

Новые известия. — 2003. — 30 янв. — с. 6

Умные ночи Михаила Веллера

**Сергей ГРАЧЕВ,
для «Новых Известий»**

С середины января воскресные и субботние полуночи REN TV стали прибежищем для тех, кто хочет думать больше. В проекте «Все о жизни» сложным знанием начал делиться писатель и философ Михаил Веллер. Программа, как видит ее сам автор, — это нечто среднее между проповедью и моно-концертом. В основе веллеровской программы его же книга «Все о жизни». А в основе книги — энергоэволюция Вселенной. Через свою «всеобщую теорию всего» Веллер находит ответы на вопросы о счастье, любви, человеческой жизни вообще. С помощью его теории можно понимать государства, цивилизации и Вселенные.

— Михаил, в одном из интервью вы как-то сказали, что телевидение — это для артистов и журналистов, а не для писателей, «если тебе охота всюду выставлять свою рожу и разглагольствовать о разных высоких и низких материях, стоит задуматься, правильно ли ты выбрал себе профессию». Теперь у вас на REN TV две «разглагольствующие» программы в неделю. Вы поменяли точку зрения на публичную жизнь?

— В телевизор я сунулся только с этой книгой. Хотелось, чтобы все, что в ней есть, находило как можно больше слушателей, зрителей-воспринимателей. Если бы меня попросили из всех моих книг категорически и однозначно выбрать одну, вероятно, я выбрал бы именно «Все о жизни». В последние десятилетия серьезная мысль

из литературы или решительно ушла, или приняла настолько условно-метафорические формы, что людям для понимания жизни беллетристика перестала что-либо давать. «Все о жизни» не беллетристика. Грубо говоря, это философия, изложенная нормальным человеческим языком.

— «Нормальный человеческий язык», наверное, все равно нуждается в адаптации под телевидение?

— Разумеется. Прочитать вслух текст, который написан для чтения глазами, задача совершенно глуховая. Из тех, кто живет сегодня, с ней могут справиться разве что три актера — Юрский, Калыгин, Дмитриев. Я читать, как они, не могу, кроме того, читать свое — это вообще гроб. Рассказывать надо так, чтобы слово было простым, внятным и интересным, а мысль честной до предельной глубины. Такая мысль в идеале мудростью и называется.

— Я заметил, что вы не здороваетесь и не прощаетесь со своим зрителем. Наверняка дело не в забывчивости?

— Когда появляющийся в телевизоре человек говорит «здравствуйте» и «до свидания», это уже имеет характер или чего-то надоедливового, или какого-то ритуала. Когда Леонтьев говорит «однако здравствуйте», или Доренко говорит «всего доброго» с такой неизменною полуулыбкой, что влутри появлялась большая гримаса черного юмора на морде чеширского кота — сразу возникает отчуждение, отодвигание зрителя от автора.

— Выходит, телевидение уже и

слово «здравствуйте» дискредитировало?

— «Здравствуйте» и «до свидания» несет в себе момент некоей отодвигаемости от зрителя. Вот вы перед «ящиком» — это одно, а я — это другое. Мы поздоровались, мы попрощались, мы разбежались. Вот это мои мысли, ну а ты, как знаешь. А я обращаюсь к зрителю, как будто этот разговор никогда и не прерывался, и получается чисто вырезанный отрезок из беседы за столом, за бутылкой, или вечером на набережной.

— Что зритель должен вынести из ваших с ним бесед?

— Одна из врожденных потребностей человека — знать. Вот этой потребности моя книжка и программа в известной степени отвечают. Мне хотелось бы надеяться, что программа кому-то на что-то откроет глаза, кому-то подтвердит его внутренние выводы. Кому-то, может, станет понятно, почему государство действует так, как оно действует, почему человек мучается так, как он мучается. Мне представляется, что я написал книжку для людей, а не для философов.

— А что по поводу вашей теории думают критики, академические философы в частности?

— Книгу хорошо встретили люди из областей совершенно естественных — врачи, биологи. Что касается философов, то если бы я был на их месте, и откуда-то сбоку выскочила бы какая-то падла, которая чего-то такое скропала. Ух, я бы ему!

Я не являюсь неким ученым-энциклопедистом вроде Аристотеля. Я создал всего лишь одно

философское учение, и оно не живет там, где живут философские труды и академические философы. Потому что философ в исконном смысле слова — это не тот, кто изучает философию, а человек, который дает картину мира. А давать картину мира на философском факультете не учат, там готовят только изучателей философии. А я деятель философии. Последние философские теории были созданы в XIX веке, и последними настоящими философами были англичанин Герберт Спенсер и немец Шопенгауэр. После них серьезных людей уже не было.

— Получается, ваша философская теория следующая после Спенсера и Шопенгауэра?

— Смеем льстить себе надеждой, да.

— Скажите, знание природы человеческого счастья помогает вам самому быть счастливым?

— Человеку очень легко написать инструкцию, как нужно ходить в цирке по канату. Для этого всего лишь надо напрягать группы мышц так, чтобы постоянно держать центр тяжести своего тела в вертикальной плоскости, проходящей через линию каната. Но знание этого ходьбе по канату не помогает. Точно так же знание чего-то и нахождение в этом состоянии — вещи сугубо разные. Но есть преимущество знания над незнанием. Может быть, я лучше некоторых прочих понимаю, почему и как другой может быть счастлив и несчастлив ... и я в том числе. Я твердо знаю, что если бы я этого не понимал, был бы несчастлив.